

УДК 82-32

КОНЦЕПТ «МЕЧТА»
КАК СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Щанкина Ю. И.

*кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева», г. Саранск,
julija1704@mail.ru*

***Аннотация.** В статье анализируется одна из смысловых доминант женской прозы – концепт «мечта», прослеживается эволюция и особенности его воплощения в русской классической литературе и современной женской прозе. С начала XIX в. в русской классической литературе находит распространение ряд представлений о мечте, например: мечта как высший смысл, способность человеческой духовной сущности возвыситься над бытом и буднями; мечта как отрицательное явление, способное навредить человеку; мечта как образ идеального будущего и идеального «Я»; мечта как способ удовлетворить амбиции за счет ребенка; мечта как достижение неких благ. Современная женская проза продолжает традицию использования подобной трактовки концепта, совмещая ее с особенностями женской ментальности.*

Ключевые слова: концепт, женская проза, доминанта, мировоззрение, характер, мотив.

THE CONCEPT "DREAM"
AS A DOMINANT OF CONTEMPORARY FEMALE PROSE

Shchankina Yu. I.

Candidate of philological sciences, doctoral student of the department of Russian

*And foreign literature of the National Research Mordovian State University, Saransk,
julija1704@mail.ru*

Abstract. The article analyzes one of the semantic dominants of women's prose – the concept of "dream", traces its evolution and features of its implementation in Russian classical literature and modern women's prose. Since the beginning of the nineteenth century. in Russian classical literature, a number of ideas about the dream are widespread, for example: the dream as the highest meaning, the ability of the human spiritual essence to rise above everyday life and everyday life; dream as a negative phenomenon that can harm a person; dream as an image of an ideal future and ideal "I"; dream as a way to satisfy ambitions at the expense of a child; dream as the achievement of certain benefits. Modern women's prose continues the tradition of using a similar interpretation of the concept, combining it with the peculiarities of the female mentality.

Keywords: concept, female prose, dominant, worldview, character, motive.

Введение

Предметом рассмотрения в данной статье является концепт «мечта». Проследим, как эволюционировало его содержательное наполнение в русской классической литературе и современной женской прозе.

Концепт «мечта» имеет понятийную составляющую, выступающую компонентом признаковой структуры, обнаруживаемой с помощью раскрытия значений непосредственно того слова, которым назван данный концепт. Лексема «мечта», в свою очередь, обладает в современном русском языке множеством смыслов, в толковых словарях зафиксировано от трех до пяти значений этого понятия.

Наиболее полное толкование слова «мечта», на наш взгляд, встречается в словаре современного русского языка, изданного под редакцией А. П. Евгеньевой. На основании данных различных словарей мы можем обнаружить у интересующей нас лексемы шесть главных признаков, которые будут положены

в основу понятийной составляющей концепта «мечта». Это такие признаки, как состояние, желание, образ, процесс, положительная характеристика, ирреальность.

Любопытный факт, нашедший отражение в том числе в словарях и справочниках: о происхождении слова «мечтатель» языковеды заговорили лишь в конце XVIII в., гораздо позже, чем о слове «мечта». Таким образом, можно предположить, что именно с этого времени за звукоформой «мечта» закрепился статус ментального процесса, некоего особенного состояния человека, при котором личность выступает в роли самостоятельного субъекта данного процесса. При сопоставлении особенностей русского языка XVIII в. с данными современного его состояния можно, с одной стороны, обратить внимание на сужение лексического поля слова «мечта» (в частности, первое и второе значения утрачиваются), а с другой – отметить его расширение (главным образом за счет третьего значения).

Приведенные выше сведения могут свидетельствовать об условном повышении степени значимости, уместности определенного психического явления и вместе с тем могут говорить в пользу потенциального ослабления или трансформации соответствующих культурных норм.

Тема мечты в целом не нова для русской литературы, однако можно утверждать существенное изменение природы мечты и восприятия данного социального феномена в разные исторические периоды, когда его оценка менялась от резко негативной до идеализированной. Так, в раннюю христианскую эпоху мечта расценивалась людьми как большая опасность и серьезная проблема, требующая искоренения. По этому поводу Е. П. Бухаркин писал: «Древнерусская книжная премудрость, так же, как и словесность XVIII в. (до последней его трети), в целом понимала мечту как обман и способ ухода в опасный мир иллюзорных и беспредметных видений» (Бухаркин, 1995). Приведенная точка зрения дает все основание заключить: вплоть до рубежа XVIII–XIX вв. слово «мечта» воспринималось исключительно в отрицательном ключе.

В рамках данной статьи в определении концепта мы будем придерживаться трактовки С. Г. Воркачева, согласно которой концепт выступает восходящей к высшим духовным ценностям единицей знания/сознания коллектива, отличительными чертами которой являются неповторимое воплощение языковыми средствами и этнокультурные особенности (Воркачев, 2001). По мнению исследователя, концепт представляет собой не что иное, как объединяющий лингвоментальный феномен, пришедший на смену понятию, представлению (образу) и значению. Последние, безусловно, находят отражение в концепте, но в «снятом», усеченном формате (Воркачев, 2005).

В свою очередь, М. В. Пименовой структура концепта характеризуется сложностью входящих в него признаков. Эта структура, однако, не жестко организована. В частности, исследователь отмечает, что признаки, заключенные в концепте, имеют важное функциональное значение для конкретной культуры и ее носителей (Пименова, 2001). Соответственно, в языке концепт репрезентируется на разных его уровнях. Безусловно, в этом плане наиболее информативным и показательным нам представляется лексический уровень. Нам близка мысль М. В. Пименовой о том, что во многом благодаря данному уровню в том или ином концепте обнаруживаются практически все наиболее значимые составляющие, формирующие структурную организацию концепта (Пименова, 2001).

Материалы и методы

Предлагаемый материал сформирован на основе культурологического анализа произведений русской классической литературы и современных молодых писательниц Мордовии, опубликованных как в печатных источниках, так и на интернет-порталах.

Результаты

С начала XIX в. в русской литературе находит распространение ряд представлений о мечте, которые впоследствии будут отражены в женской прозе, разумеется, в свете особенностей восприятия женщиной действительности.

1. Мечта как высший смысл, способность человеческой духовной сущности возвыситься над бытом и буднями. Именно такое представление о мечте мы находим в повести А. Грина «Алые паруса». Хотя непосредственно слово «мечта» в данном произведении встречается нечасто, вокруг него сосредоточено все его содержание, поскольку в «Алых парусах» провозглашается вера в самые дерзкие, нереальные, тайные мечты. Не случайно это слово звучит из уст старика Эгля, во многом благодаря которому в душе Ассоль оформилась ее мечта: «Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус...» (Грин, 2017, с. 35). Следует отметить, что мечты подобного типа практически не встречаются в женском творчестве.

2. Мечта как отрицательное явление, способное навредить человеку. С таким представлением о мечте мы сталкиваемся при чтении и анализе ряда произведений Н. В. Гоголя («Шинель», «Невский проспект», «Ревизор»). Сам писатель отзывался о мечте в негативном контексте ввиду ее способности побуждать человека отвергать законы, установленные свыше, не признавать царящую в мире высшую справедливость. По мысли Н. В. Гоголя, мечтания сродни Богоборчеству, итогом которого может стать осознание «пошлости и отвратительной бессмысленности жизни» (Гоголь, 2020).

Герой Н. В. Гоголя Акакий Акакиевич Башмачкин мечтает о покупке новой шинели, и это его желание достигает невероятных масштабов. Как только в голове героя зародилась навязчивая идея обладания новой шинелью, даже «существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился <...> как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу» (Гоголь, 2020, с. 6). Тем ужаснее для героя становится ее потеря, повлекшая гибель Башмачкина.

Подобного рода мечтания – практичные и приземленные – оказались более близки представительницам современной женской литературы. Так,

мечты Акакия Акакиевича Башмачкина о шинели сродни грезам героини молодого прозаика Н. Шеметовой о выпускном платье: «На выпускном я хотела быть королевой, но мама обломала мои мечты.

– У меня нет денег на твоё платье, – отрезала она и предложила, – если хочешь, я перешью тебе из своего свадебного. Для меня это была катастрофа. Нужно было срочно что-то делать... Я купила на заработанные деньги самое красивое платье. «Королевский статус», однако, не помешал мне, уже изрядно пьяной, залить белый шифон с нежной вышивкой красным вином. Поэтому в продолжение праздника я выглядела не менее сногсшибательно в бирюзовом мини. Сохранилась фото, на котором Артём нежно обнимает меня за талию, а глаза у меня там совсем шальные» (Шеметова, 2017).

3. Мечта как образ идеального будущего и идеального «Я». Такого рода восприятие мечты можно обнаружить в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Безусловно, главным персонажем-мечтателем в этом произведении выступает Татьяна Ларина, предпочитающая романтические, любовные романы. В душе девушки жила надежда о чистом, всеобъемлющем чувстве. В этом отношении она напоминает флоберовскую мечтательницу Эмму Бовари, но Татьяне Лариной, в отличие от нее, удастся сохранить представление о разнице между грезами и реальностью, поэтому судьбу героини А. С. Пушкина нельзя назвать трагичной.

И героиня Н. Шеметовой тоже еще живет романтическими мечтами, но уже думает о реальном будущем: «Однако само поступление в высшее учебное заведение оказалось делом непростым. С дипломом и портфолио, состоящим из моих интервью и стихов, опубликованных в газетах, я решила поступать в университет, конечно же, на журфак. «А куда ж ещё с таким талантищем?» – думала я» (Шеметова, 2017).

Своё дальнейшее развитие концепт «мечта» получает во второй половине XIX столетия, когда выходят в свет выдающиеся произведения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, в которых мечта предстает в разных ракурсах. Е. В. Петровская писала по этому поводу, что толстовский герой очень часто именно

мечтает, а не размышляет, когда он оказывается наедине с самим собой, при этом в его воображении оживают прошедшие события или конструируются события будущие (Петровская, 2002).

В среде аристократии отношение к мечтателям было в подавляющем большинстве осуждающим. Л. Н. Толстой демонстрирует это на примере княжны Марьи, которой с детства внушали мысль о негативном значении мечты как об исходящей от дьявола идеи. Представлялось, что мечтать – непристойное занятие, недостойное интеллигентного человека, тем более дворянина. Несмотря на трудную судьбу героини романа-эпопеи Л. Н. Толстого, ее мечтой является обычное человеческое счастье, главным образом женское. С помощью данного образа писатель доносит до читателя мысль: любая женщина, независимо от своего статуса в обществе и происхождения, видит смысл всего своего существования исключительно в любви и семье: «Чувство это было тем сильнее, чем более она старалась скрывать его от других и даже от самой себя» (Толстой, 2019, с. 210). По заветам христианской морали, которую русские женщины впитывали чуть ли не с молоком матери, княжна Марья считала искушением дьявола любые мысли о любви, посещавшие ее время от времени. Чтобы спокойно исполнять волю Бога, ей надобно было навсегда отвергнуть злые помыслы: «Не желай ничего для себя, не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвестна тебе; но живи так, чтобы быть готовой ко всему. Ежели Богу угодно будет испытать тебя в обязанностях брака, будь готова исполнить его волю» (Толстой, 2019, с. 218).

В отличие от княжны Марьи, мечты современных героинь женской прозы достаточно примитивны и циничны. Так, в повести Н. Шеметовой «33» центральная героиня видела смысл «взрослости» в том, чтобы избавиться от того, что ей в первую очередь препятствует, а именно от девственности. Причем дефлорация, по ее мнению, должна была произойти непременно до достижения ей 16 лет – данный возраст ассоциировался у героини со статусом взрослой женщины. В девичьих мечтаниях вступление во взрослую жизнь обычно видится под аккомпанемент виолончели, в окружении букетов роз, источающих чудесный

аромат, а сам акт любви должен произойти на шёлке простыней и быть окутанным мерцанием тысяч свечей. Такие мечты не вызывают у читателей удивления, поскольку во многом навеяны пошлейшими мелодрамами, которые обычно предпочитают юные девы. Однако героиня Н. Шеметовой думала иначе: «Я не смотрела мелодрам, а слушала «Сектор газа» и «Кино», носила джинсы и кеды, а волосы мои торчали ежиком. Поэтому моё (и не только) расставание с девственностью происходило совсем иначе» (Шеметова, 2017). Подобный цинизм, с одной стороны, объясняется жизненным опытом героини, а с другой, служит своеобразной защитой от жестокого современного мира, условия в котором далеки от идеальных.

4. Мечта как способ удовлетворить амбиции за счет ребенка (А. Н. Островский «Гроза», «Бесприданница»). Так, в пьесе «Гроза» Кабаниха за счет своего сына Тихона стремится воплотить в жизнь свою мечту о господстве над людьми. Ее мечтания могли бы быть реализованы в полной мере, если бы все люди, составлявшие близкое окружение Кабанихи, были, подобно ему, забитыми и покорными ее воле. Старания деспотичной женщины привели к искоренению у Тихона всякого желания ей перечить – настолько он был запуган маменькой и по этой причине безволен: «Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!» (Островский, 2017, с. 55).

В противовес представителям «темного царства» герои романа А. Дворецкой «Сказка о Снежной королеве» мечтают о том, что у их детей все сложится лучше, чем у них самих. Размышления об этом как нельзя лучше характеризуют персонажей, раскрывая их амбиции:

«– Ребенок для меня – это все, – воодушевленно сказал Рома.

– Пожалуй, все, что я делаю – это ради него. Я надеюсь, все, чего я в жизни не сделал – он сможет. У меня не было никакой основы, когда я начинал. Приехал из деревни под Саратовом, потом Можайка, потом вот начал зарабатывать. Я хочу, чтобы у моего сына все было...

– А я даже не знаю, чего я хочу для дочери, – сказала Анжелика.

– Она у меня сейчас занимается модельным бизнесом, фотографируется кое-где...» (Дворецкая, 2012).

5. Мечта как достижение неких благ, имеющих конкретное материальное воплощение. О. Гонцова в повести «Помолись обо мне» показывает мечту как синоним материального благополучия: «Никаким профессором он не стал. Учился на психолога, но юнги и фрейды до смерти надоели ему, так что, оставив мечту о хорошей зарплате в частной клинике, он не продолжил специализацию и практику, а принялся переучиваться на соцработника. Позже он вдруг осознал, что вновь выбранная профессия – «бабская», да к тому же бывший армейский начальник, офицер-соцработник, опорочил ее, оказавшись геем... Так и стал недоучка Самсон обычным наладчиком станка в тель-авивской типографии» (Гонцова, 2010, с. 61).

В рассказе Л. Чижиной-Крыловой «Белые валенки» мечта ребенка не просто материальна, и это даже не игрушка, а валенки, и именно то, что, мечтой становится такая недорогая и простая вещь, делает этот сюжет еще более трогательным, и тем страшнее финал и разочарование ребенка, столкнувшегося в мире взрослых: «Мама купила мне черные валенки. Зимой в них было тепло. А у нее самой были фетровые сапожки белого цвета на каблучках. Она всегда их чистила мелом. Мне так хотелось, чтобы и у меня были такие беленькие сапожки. Я спросила маму: «Почему ты мне купила черные валенки? Мне хочется белые». Мама сказала: «Когда подрастешь, тогда и купим белые сапожки на каблучках!» Я была на улице. Ко мне подходит тетенька и говорит: «Хочешь белые валенки?» Я обрадовалась. Думаю: «Вот мама удивится, когда у меня будут белые валенки!» Я сказала, что хочу белые валенки. Мне предложили пройти по одному адресу. Я согласилась. Шли, шли, – я запоминала дорогу. Это произошло на Рабочей улице. Дошли до крылечка деревянного дома. Она сказала: «Снимай свои валенки. Вместо них я принесу тебе белые», – и ушла через калитку с моими валенками...» (Чижиная-Крылова, 2012).

Столкновение детской мечты с циничным миром взрослых становится некой отправной точкой в формировании мировоззренческого дисбаланса у

героини: «Почему меня часто обманывали взрослые? Ведь сами учат маленьких детей говорить правду, а сами не хотят выполнять то, чему учат. И эти дети, вырастая, опять повторяют ошибки своих родителей. Все наши проступки повторяются в наших детях» (Чикина-Крылова, 2012).

В рассказе Л. Чижиной-Крыловой «Отец» традиционная мужская мечта о сыне не сбывается, привнеся в жизнь героя разочарование: «Самое главное, я знала, что он любит меня, хотя и хотел всегда, чтобы у него был сын. Но родились пять дочерей. Первые две умерли маленькими. Мы с сестрой их не видели. Родители захотели еще раз испытать судьбу. Мама была беременная. Ждали мальчика» (Чижикина-Крылова, 2012).

Аналогичную ситуацию наблюдаем в повести Н. Шеметовой «33»: «Родилась я в обычном роддоме сырым, хмурым весенним утром. Меня никто не ждал, ждали Алёшу, а когда появилась я, мама очень расстроилась. Долго не могли придумать мне имя. В конце концов согласились с бабушкой и назвали Наташей» (Шеметова, 2017).

В свете вышесказанного можно заключить, что концепт «мечта» наделен рядом эмоциональных признаков, а именно: во-первых, как и человек, мечта способна транслировать определенные эмоции, во-вторых, сама по себе мечта выполняет функцию воплощения эмоционального состояния человека. В то же время мечта может быть воспринята как в положительном (счастье, радость, любовь, веселье, безмятежность), так и в негативном (тоска, грусть, слезы, тревога, несбывшаяся мечта) контексте. Мечта может потенциально иметь отношение либо к интенсивным (гнев, ненависть, любовная страсть, отрицание, протест), либо к пассивным (тоска, отчаяние, печаль, депрессия) переживаниям. За счет способности в мечте актуализировать признак 'счастье' она, выступая в роли и процесса, и определенного ментального состояния человека, в основном оценивается положительно: благодаря проецированию в своем сознании какой-либо мечты человек может быть по-настоящему счастливым или хотя бы приблизиться к этому состоянию, о чем говорят приведенные нами примеры из литературных источников.

Другим не менее важным признаком анализируемого концепта является творчество, поскольку мечте присуща творческая способность, выражающаяся в возможности творить какие-либо образы (здесь можно провести параллель с другим мотивирующим признаком – ‘волшебство’), поэтому мечтатель сродни мастеру, творцу. С другой стороны, в результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что признаки, воплощающие непосредственно ментальную способность мечты – думать, в классических и современных литературных источниках встречаются редко. Однако среди них обнаруживается достаточно много примеров, иллюстрирующих несколько приземленные умственные способности мечтателей.

Заключение

Таким образом, понятийными составляющими концепта «мечта» являются такие признаки, как состояние, желание, образ, процесс, положительная характеристика, ирреальность. Прочтение этого концепта в русской литературной традиции, как правило, ведется в следующих направлениях: мечта как высший смысл, способность человеческой духовной сущности возвыситься над бытом и буднями; мечта как отрицательное явление, способное навредить человеку; мечта как образ идеального будущего и идеального «Я» мечта как способ удовлетворить амбиции за счет ребенка; мечта как достижение неких благ. И современное женское литературное художественное творчество продолжает эти традиции. Писатели-женщины творят, соответствуя нормам отечественного литературного канона, и это закономерно и объяснимо, поскольку их мастерство формировалось в русле русских литературных традициях, которые они в большинстве своем и продолжают. Но в то же время женская проза предлагает свою, несколько иную, отличную от патриархального взгляда трактовку, обоснованную и закреплённую культурной традицией в целом.

Литература

1. Бухаркин, П. Е. (1995) Мечта в русской традиции: Историческое и трансисторическое в развитии имени. *Имя – сюжет – миф*. СПб., 178–194.

2. Воркачев, С. Г. (2005) Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели. *Филологические науки*, 2005, 4, 76–83.
3. Воркачев, С. Г. (2001) Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки*, 2001, 1, 64–72.
4. Гоголь, Н. В. (2020) Шинель. М.: Издательство Искатель.
5. Гонцова, О. (2010) Помолись обо мне. *Странник*, 2010, 2, 61.
6. Грин, А. С. (2017) Алые паруса. М.: Издательство Искатель.
7. Дворецкая, А. (2012) Сказка о Снежной королеве. Получено с http://strannik-lit.ru/97764_7558_29_5_2012.html
8. Островский, А. Н. (2017) Гроза. М.: Издательство Омега.
9. Петровская, Е. В. (2002) Мечта и молитва в поэтическом мире Л. Н. Толстого (1850–1860-е гг.). *Русская классика. Между архаикой и модерном*. СПб., 76–88.
10. Сергеев, С. А. (2002) Опыт сопоставления социальных признаков концепта мечта в поэтическом творчестве Е. А. Баратынского и М. Ю. Лермонтова. *XXIX конференция студентов и молодых ученых Кемеровского государственного университета: сборник трудов*. Кемерово, 164–165.
11. Словарь русского языка: в 4 томах (Малый академический словарь) (1999). Получено с <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
12. Толстой, Л. Н. (2019) Война и мир. М.: Издательство Эксмо.
13. Чикина-Крылова, Л. (2012) Не поле перейти... Получено с http://strannik-lit.ru/97764_7558_29_5_2012.html
14. Шеметова, Н. А. (2017) 33: роман, повесть, рассказы. Получено с <https://www.litmir.me/br/?b=581535&p=1>